

Сергей Прокопьев

**НА ФРОНТ
С ИМЕНЕМ ОТЦА**
рассказы о войне

12+

Сергей Николаевич Прокопьев

На фронт с именем отца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54132843

SelfPub; 2020

Аннотация

Рассказы книги Сергея Прокопьева «На фронт с именем отца» так или иначе касаются темы Великой Отечественной войны. Одним героям выпало защищать страну на передовой, другие в тылу работали и жили по законам военного времени, третьи оказались в оккупации. Для кого-то война совпала с детством, для кого-то с юностью. И у каждого оставила в памяти неизгладимый след. Война брала на излом, ярко выявляя в человеке светлое и тёмное, самоотверженность и предательство. Кто-то стремился во что бы то ни стало выжить, спасти себя любой ценой, кто-то, находясь на грани жизни и смерти, приходил к пониманию евангельской истины: нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих.

Содержание

Четыре благодарности Сталина	4
Парад Победы сорок пятого	4
Два раза не умирать	6
На фронт	11
Евангелие и мина	14
Сеня Гоч	20
Похоронка	27
После Парада Победы	31
Корреспондент Додошкин	37
Свеча памяти	41
Несе Галя воду	46
На фронт с именем отца	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Четыре благодарности Сталина

Парад Победы сорок пятого

Эту идею подсказали Ивану Григорьевичу социальные сети. По ним прошёл призыв: шествие Бессмертного полка из-за эпидемии коронавируса отменяется, зажжём свечи памяти в честь отцов и дедов, отстоявших Родину в Великой Отечественной войне. Несколько лет Иван Григорьевич ходил Бессмертным полком с фотографией отца – Григория Калистратовича Петренко. Можно сказать, всего одна полноценная фотография отца военного времени и осталась. Но какая! На ней он с родным братом Иваном 25 июня 1945 года в Москве на фоне Спасской башни. 24 июня состоялся Парад Победы, на котором отец печатал победный шаг по брусчатке главной площади страны, а на следующий день братья прошли по ней прогулочным шагом. Отец был в той же специально сшитой для участников парада форме, брат не так торжественно одет, в обычной гимнастёрке. Да какая разница! Оба живы, оба перемогли страшную войну. Последний раз виделись четыре года назад в родной деревне Березняки. И тот и другой несколько лет ходили под пулями. В конце мая был выстроен под Берлином полк, в котором служил Григорий Калистратович, командир вызвал из строя ефрей-

тора Петренко и объявил, что он единственный остался из всего полка, кто начинал воевать в нём в сорок втором году. Один единственный. Так что заслужил представлять полк на Параде Победы, едет в Москву, а вся дивизия отправляется на Дальний Восток.

Встретились братья совершенно неожиданно, Григорий Калистратович приехал в столицу на подготовку к параду, часть Ивана (был он сапёром) недавно перебазировалась в Москву. Столкнулись братья у гостиницы «Москва», Иван, задрал голову, глазел на здание гостиницы, Григорий мимо шёл.

– И как-то так невидаль мы там узрели? – ехидно спросил Григорий.

Иван хотел отшить незнакомца, который лезет не в своё дело. Повернул голову и глазам не верит – брат!

Иван Григорьевич смотрел на фотографию братьев, отцу сорок лет на ней, дяде Ване тридцать три, он с двенадцатого года, но оба для него сегодняшнего молодые. Оба давно умерли: дядя Ваня на десять лет раньше отца, а отец ровно тридцать лет назад. Восьмого мая Иван зашёл к нему в больницу. С час посидел, поговорили, Иван пообещал обязательно прийти на День Победы, уходя, в дверях обернулся, будто какая-то сила заставила сделать это. Позже, восстанавливая в памяти последнюю встречу, поймёт, в те мгновения отец прощался с ним...

Два раза не умирать

В их Березняках была школа-четырёхлетка, с пятого класса учились дети в школе-интернате центральной усадьбы совхоза. На субботу-воскресенье Иван приезжал домой. В девятом классе ему поручили к смотру художественной самодеятельности выучить стихотворение Константина Симонова «Сын артиллериста». Мария Николаевна, учительница русского и литературы, давая стихотворение, сказала, что Симонов описал конкретный случай, на фронте было не раз, когда корректировщик вызывал огонь на себя, чтобы уничтожить, накрыть немцев ударом артиллерии. Стихотворение нравилось Ивану от первого до последнего слова. Вдохновенно чеканил ключевые строки:

– Учись, брат, барьеры брать!
Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать.
Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла! –
Такая уж поговорка
У майора была.

Учились они в первую смену, в субботу Иван после обеда, как обычно, сорвался домой. Доехал на автобусе до Бе-

резняков, попросил остановиться напротив их дома. Стоило подойти к калитке, радостно залаял Уран. На двери висел замок, Иван сунул руку под крыльцо, достал ключ. Толкнул дверь, прошёл холодные сени, дом встретил знакомым запахом. На плите нашёл чугунок с варёной картошкой, достал литровую банку молока, кусок хлеба, быстро поел и решил устроить репетицию. В интернате не получалось читать в полный голос с выражением. Дома, пока никого нет... Он встал в горнице перед большим, едва не до потолка, зеркалом и начал декламировать. Мария Николаевна наставляла читать без спешки (был такой изъян у Ивана), размеренно, представляя картины, описываемые в стихах. Читать с чувством, но не надо размахивать руками, не «делать громкость на всю катушку». С чувством и сдержанно.

Всякий раз с первых строк, стоило оказаться во власти ритма стихотворения, сердце у Ивана начинало ускоряться. Оно рвалось горлом, когда подходил к кульминационным строфам.

Всю ночь, шагая как маятник,
Глаз майор не смыкал,
Пока по радио утром
Донесся первый сигнал:
– Все в порядке, добрался.
Немцы левой меня,
Координаты три, десять,

Скорей давайте огня!
Орудия зарядили,
Майор рассчитал все сам,
И с ревом первые залпы
Ударили по горам.
И снова сигнал по радио:
– Немцы правей меня,
Координаты пять, десять,
Скорее ещё огня!

Кульминацией было место, где лейтенант вызывал огонь на себя, чтобы уничтожить наседавших фашистов. Иван не мог не кричать.

«Огонь!» – летели снаряды.
«Огонь!» – заряжай скорей!
По квадрату четыре, десять
Било шесть батарей.
Радио час молчало,
Потом донесся сигнал:
– Молчал: оглушило взрывом.
Бейте, как я сказал.
Я верю, свои снаряды
Не могут тронуть меня.
Немцы бегут, нажмите,
Дайте море огня!

Иван, увлѣкшись чтением, не слышал, как в дом зашѣл отец. Он заглянул в горницу. Ваня замолк, засмутился.

– Так это, сын, про меня стих! Я же тоже корректировку огня вѣл.

– С рацией ходил?

– Раций не было у нас в дивизионе, телефон. Тащишь за собой катушку с проводом. Бывало, перебьѣт, и ползѣшь, ищешь, где тот обрыв. Наши жарят, снаряды не жалеют, немцы тоже стараются... Их окопы с одной стороны, наши – с другой, я на нейтралке, не знаешь, от кого в первую очередь прилетит. Бог миловал. Ранениями отделался...

Это было открытием для Ивана. Не один раз доставал из дальнего угла комода чѣрную старомодную дамскую сумочку с кнопкой-замком, отец привѣз матери из Германии. В деревне с сумочкой куда пойдѣшь. К соседям – засмеют, в клуб родители не ходили. Да и в клуб с такими сумочками не принято было. Это городские в театр так ходят. Хранились в сумочке всевозможные документы: свидетельства о рождении детей, их школьные табели, шофѣрские права отца. Среди прочего – военный билет отца, из которого следовало, что он ефрейтор и старший телефонист. Ивану хотелось большего. И звание, что уж кривить душой, так себе, не будешь перед друзьями хвастаться отцом-ефрейтором, и специальность негероическая. Другое дело – танкист или лѣтчик, в крайнем случае – пулемѣтчик. Это да! Телефонист,

считал, сродни счетоводу или бухгалтеру, конторская работа. Оказывается – ничего подобного. Отец, как Лёнька, прокрадывался к врагу и, сидя у него под носом, корректировал стрельбу батарей, чтоб наши накрывали фрицев морем огня.

На фронт

В Березники находились в двадцати пяти километрах от районного городка, весть о войне долетела в первый день. Григорий Петренко работал в колхозе на полutorке, призвали на фронт вместе с машиной. Был такой призыв в начале войны – водителей отправляли на фронт с машинами, армии нужна была техника в больших количествах. Военкомат решил по-своему: успеет Петренко на передовую, пусть пока молодые воюют. Придержали его, начали использовать в своих целях – доставлял на своей полutorке парней-призывников из дальних деревень.

– Первые полгода, – говорил Ивану, – воевал я в военкомате. Думал: Бог не хочет, чтобы я брал в руки оружие, но...

Был Григорий Калистратович баптистом. Березники основали столыпинские переселенцы в начале XX века, выходцы из Екатеринославской губернии, баптисты. После революции подавляющее большинство мужчин отошли от веры. Кто-то даже в партию вступил. Женщины продолжали сходиться на собрания, молиться, петь, мужчины – за редким исключением. Отошёл от веры и отец Григория – Калистрат Степанович. К куреву не пристрастился, а выпивать выпивал. Григорий остался верен Богу.

Баптист не должен нарушать заповедь «не убий», даже если враг пришёл к тебе, не бери в руки оружие.

Григорий для себя решил: должен идти воевать, а там как Бог даст. Власть от Бога, значит, должен защищать страну и её.

Эшелон, в котором ехали мобилизованные на фронт земляки-шофера со своими машинами, был разбомблен.

В начале 1942 года отправили Григория Калистратовича в действующую армию, уже без полуторки. Отец его, Калистрат Степанович, тяжело болел. Мать Григория умерла, когда ему было три с половиной года. Через год отец второй раз женился. Григорий помнил ту свадьбу, любил повторять: «Я на свадьбе отца рядом с женихом сидел». Брат Иван и пять сестёр родились после той свадьбы. Отец с трудом поднялся с кровати, слабые ноги держали плохо, обнял сына, дал наказ:

– Григорий, служи, как положено, семью нашу не позорь, она в почёте всегда была и на Украине, и здесь.

Не сел на кровать, стоял, держась за спинку, пока сын не вышел за порог, не стукнула калитка, а потом заплакал.

Невестке на следующий день скажет то, о чём думал всю ночь:

– Не дождусь Гриши, но буду ждать. Я хоть от веры отошёл, буду молиться, чтобы вернулся домой. И ты, Варвара, молись.

В тот раз не сказал, а потом повторял неоднократно, ему бы промолчать, не терзать лишней раз сердце невестке, да жила в голове старика эта мысль, не давала покоя, крутилась

на языке:

– Что ты, Варвара, с тремя детьми будешь делать, если Гришу убьют? Я ещё у тебя на шее. Мне бы помогать тебе, а я сам лежу колодой.

Евангелие и мина

Определили рядового Петренко в гаубичный полк, но не артиллеристом. Известно, гаубичные батареи располагаются не впритык к линии фронта, как противотанковые орудия, на приличном удалении от передовой, на Петренко это не распространялось, его боевой пост был на передовой. Выполнял обязанности телефониста и корректировщика. Последний, как известно, в тылу не сидит. Он – глаза артиллеристов. Один, когда вдвоём, Петренко пробирался впритык к вражеским окопам, скрытно наблюдал за позициями немцев, передавал координаты целей командиру взвода управления дивизиона, а когда начиналась стрельба, корректировал её.

Иван спрашивал отца:

– Папа, ты хоть одного немца убил?

– Знаешь, сын, я передавал координаты, а наши по ним жарили. Ох, жарили немца, не позавидуешь!

– А если бы один на один с фрицем столкнулся? У тебя автомат был?

– И с винтовкой ходил на задания, и с автоматом. Без личного оружия, какой ты боец.

– Стрелял бы на поражение, окажись вооружённый немец перед тобой? Ведь «не убий»?

– Сейчас трудно говорить, как поступил бы тогда. Одно скажу – по моим координатам жарили здорово!

Ничего не рассказывал о войне. Иван знает лишь два эпизода из трёх лет, которые отец провёл на фронте. Однажды в День Победы он пришёл поздравить отца. Из Березняков давно они переехали в районный городок. Иван жил своим домом, работал в системе культуры. На День Победы, как всегда, в центре села состоялся митинг. Красные флаги, громкая музыка, море людей: ветераны с орденами и медалями, школьники с шарами и транспарантами, взрослые в праздничной одежде. Отец на такие мероприятия никогда не ходил, и его давно забыли в районном Совете ветеранов. Ему три раза приходили из Москвы приглашения на юбилейные Парады Победы, не ездил. За год до смерти отца Иван узнал, что готовится Книга памяти с именами участников Великой Отечественной войны. В таких случаях, посчитал, лучше лишний раз напомнить о себе, как бы не забыли включить отца в списки. Иван протянул председателю Совета ветеранов удостоверение о награждении отца медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». Медаль отец получил в Москве в июне 1945 года, все участники Парада Победы шагали с новенькими медалями на груди. Парад шёл под дождём, удостоверение, хоть и лежало во внутреннем кармане, промокло, с коленкоровой обложки слезла краска, лишь кое-где осталась.

Председатель Совета со скептическим лицом покрутил удостоверение в руках.

– Странно. Не могли быть корочки красными, – уверенно

произнёс.

– Почему?

– Потому – с красными давали участникам Парада Победы в июне 1945 года. Понятно. У всех остальных серые кофточки.

– Так он участник Парада Победы.

– Какой он участник? – по выражению лица председателя читалось: ври-ври да не завирайся. – У нас в районе всего шесть участников Парада Победы.

В конечном итоге в Москву был сделан запрос, истина восторжествовала. Это будет много позже, а в тот День Победы Иван пришёл в дом к родителям. Поздравил отца, матери где-то не было, и вдруг Григорий Калистратович разоткровенничался. Со слезами. Нет, не водка плакала, вкуса водки он не знал вообще. Как и вкуса табака. На протяжении всей своей долгой жизни неукоснительно соблюдал эти запреты для баптистов. Похороны родных и близких, свадьбы детей – никогда. Так что совершенно трезвым в тот день не удержался от слёз.

Повинился в смертях, которые, считал, мог предотвратить и должен был сделать это.

– Не выгнал ребят из землянки, – сетовал Ивану. – Надо было вытолкать взашей.

Воевал Григорий Калистратович с Евангелием. Карманного формата, твёрдая, покрытая добротной искусственной кожей обложка. В части он не скрывал веры в Бога, привер-

женности баптизму. Притеснений, как на гражданке не было, никто не косился. Ни командиры, ни однополчане. Случалось, иронизировали по поводу частого чтения Евангелия, его Петренко раскрывал в каждую свободную минуту, но иронизировали чаще беззлобно. Смерть ходила рядом, на многое смотрели иначе.

В те дни на фронте выдалось затишье, вчетвером они сидели в землянке. Кроме Петренко – Витька Агеев, Саша Орехов и Генка Лаптев. В этой троице верховодил Витька. По натуре жёсткий, себе на уме. Его ухватки наводили на мысль: успел отведать лагерной жизни или колонии для малолеток. Но об этом Витька молчал.

Генка Лаптев был из смешливых. Палец покажи – и затыкай уши. Над самой плоской шуткой хохотал в полный голос. При этом раскрывал вовсю ширь и без того немаленький рот, и округлял глаза. Витька осаживал:

– Лапоть, чё ты ржёшь во всё хлебало? Гланды видать! Страшно смотреть!

– Ой, не могу, – Генка заливался ещё больше, – испужался гландов! Они без зубов у меня! Не кусаются!

– Я сам тебя цапну зубами, если ржать не перестанешь!

– Ой, цапнет! – гоготал Генка. – Я не вкусный.

– Это уж точно! Дерьма в тебе, Лапоть, от пяток до гландов, и вместо мозгов дерьмо!

Тюменец Саша Орехов мастерски играл в карты, держал в памяти всю картину игры, чем вызывал недовольство Аге-

ева, тот считал себя асом, проигрывая, злился.

Петренко был едва не в два раза старше каждого. Парни звали его дядей Гришей. Зная нелюбовь дяди Гриши к мамам, старались сдерживать язык, но в пылу игры, шлёпая картами по столу, то и дело выражали эмоции крепкими словами. Петренко в другом углу, сидя на нарах, читал Евангелие. И вдруг на сердце пало беспокойство, оно оформилось в чёткую мысль: надо бежать из землянки.

– Ребята, – сказал парням, – что-то нехорошо мне: давайте уйдём. Бросайте свои карты, пошли!

– Дядя Гриша, – Витька тасовал замызганную колоду, – начитался ты своей церковной книжки, мерещится незнамо что. Сиди пока затишье, а то прикажет ротный укрытия рыть, наработаешься до мокрой задницы!

Лаптев по своему обыкновению загоготал, раскрыв до предела рот:

– Дядь Гриш, получишь пот во всю задницу!

– Я вам говорю, – пытался убедить молодежь, – срочно надо уходить! Пошли!

Никто не сдвинулся с места.

– Ну как хотите.

Он взял шинель с нар, вышел из землянки.

Стояла середина мая, хорошо поднялась трава. По тропинке, ведущей от землянки к сосняку, он стоял в ста метрах, бросил шинель на устланную серыми иголками землю, сел спиной к стволу, открыл Евангелие. Эти строчки знал

давным-давно давно: «Истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного, ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». Не один раз толковал эту цитату из Евангелия от Матфея на собраниях общины. Но с того случая всякий раз читая это место, слышал нарастающий, пронзительный, воющий звук мины и взрыв. Короткий взрыв... Мина угодила точно в землянку, будто кто-то до миллиметра рассчитал цель...

– Мне бы вытолкнуть их, – говорил Ивану. – Вырвать колоду карт у Агеева. Они уважали меня, в отцы годился. Витька догадывался, я понимаю его сущность, но не лез на рожон. И Саша, и Генка послушались бы. Да хоть одного схватил бы за руку, вытащил... С Генкой однажды шли к полевой кухне, он говорит: «Мама у меня верующая, иконы дома есть, перекрестила, провожая на войну». Бог дал мне возможность уберечь его и всех остальных, а я только себя...

Сеня Гоч

Была ещё одна боль у Григория Калистратовича – Сеня Гоч. Это второй фронтовой случай, о котором рассказал отец Ивану в тот единственный раз, когда заговорил с сыном о войне. Случай произошёл в сорок третьем году, командир взвода управления дивизиона капитан Снежин вызвал Петренко к себе и сказал, что в его распоряжение поступает новобранец в качестве стажёра.

– Научи всему, – наказал командир. – Парень вроде толковый, но из-под мамкиной юбки! Пороху не нюхал.

– Нанюхается, – сказал Григорий Калистратович. – У нас этого запашистого одеколona хватает!

Прибыл на фронт Сеня из Серова, что на Урале, да только были они с Петренко земляками по нэньке Украине. Сеня на Урал попал перед войной. Отец работал на кораблестроительном заводе в Николаеве, за год до войны, железная балка сорвалась с крана, а он оказался внизу. Мать после похорон отправила сына на Урал к сестре. Так что, если быть до конца точным, не из-под мамкиной юбки прибыл Сеня, а из-под тёткиной.

– Буду маму освобождать, – говорил Сеня. – Николаев и моя Варваровка под немцами.

– Освободим, – обещал Петренко. – Всех освободим. Это тебе не сорок второй год.

– Дядя Гриша, знаете, какая красота у нас весной! – с восторгом рассказывал Сеня. – Я ходил в Николаев в яхт-клуб. Оттуда весной смотришь через Буг, а вся Варваровка в цвету, белым бело. Только крыши из красной черепицы торчат, а так яблони, абрикоса, груша.

Петренко в свою очередь описывал Березняки, где по главной улице на всём её протяжении справа и слева перед домами росли в четыре ряда насаждения. Первый – сирень, второй – жёлтая акация, третий – черёмуха и последний, уже перед палисадниками, – тополь. Черёмуха отцвела, сирень пошла, потом акация. А колхозный сад! Там и яблони, и груши, и вишня, и малина. И пасека.

– Тю, дядя Гриша, брэшэшь! – весело не верил Сеня. – Шо в той Сибири можэ цвести.

Как ни пытался Петренко убедить, что Сибирь большая, его Березняки на юге, рядом с Казахстаном, Сеня и верил, и не очень. В его представлении, Сибирь – это холод, снег. Север Урала ещё больше убедил в этом, лета в Серове, в его понимании, не было. Холодно, дождливо. И вдруг дядя Гриша рассказывает о яблонях, вишнях, акации.

Петренко научил стажёра работать с телефоном, картой, ориентироваться на местности, вычислять координаты целей. Сеня на самом деле был толковым парнем и ему не терпелось в дело. Григорий Калистратович оттягивал, пока капитан Снежин не приказал:

– Завтра вдвоём пойдёте. Вдарим по фрицу! Сеня пусть

пороху понюхает.

Позицию Петренко оборудовал заранее. Напротив, чуть сбоку был немецкий командный пункт. На это указали разведчики, наблюдения Петренко подтвердили. Дал артиллеристам координаты.

Ещё затемно с тремя автоматчиками, у одного был ручной пулемёт, прошли по небольшой, но глубокой балке, в сторону немцев, поднялись по склону, осмотрелись, автоматчики залегли, прикрыть если что. Дальше идти вдвоём. Метров сто им предстояло проползти по открытой местности.

– Ну, с Богом! – сказал Петренко. – Ползём вон к тем кустам шиповника.

Гимнастёрки на груди и брюки сразу намокли, ночью прошёл небольшой дождь, трава была сырой. Два раза Петренко командовал Сене остановиться, смотрел в сторону линии немецких окопов, прислушивался. Вроде бы тихо. Вот и шиповник.

Место хорошо тем, что с двух сторон подступали реденьки кусты, между ними как бы проход. Его под наблюдательный пункт выбрал Петренко два дня назад. Также по темноте подполз, вырыл неглубокий, только-только скрыться окопчик. А когда рассвело, похвалил себя за выбор – видимость была отличной. Окопчик вырыл на передней линии кустов, обзор они не закрывали. Командный пункт немцев засёк по отблеску оптики, движению в той стороне.

Немецкий снайпер рассуждал точно так же, предполагая,

где удобнее всего разместится русскому снайперу или корректировщику.

Сеня лежал тихо, соблюдая наказания Петренко. Чуть вздрогнул, когда услышал чужую речь, утренний ветер тянул с немецкой стороны.

– Спокойно, – прошептал Петренко, – это они между собой.

Когда рассвело, он чуть приподнял голову, приложил к глазам бинокль. Осмотрелся. Доложил по телефону обстановку капитану Снежину: ничего не изменилось со вчерашнего дня.

– Через полчаса глянь на всякий случай ещё разок! Стреляем через пятьдесят минут, – скомандовал капитан.

– Дядя Гриша, дай посмотреть? – прошептал Сеня.

– Подожди!

Через двадцать пять минут Петренко протянул ему бинокль. Пусть посмотрит, потом сам ещё раз глянет и доложит капитану.

Сеня приподнял голову, приложил бинокль, тут же раздался выстрел. Сеня уронил голову. Пуля вошла над левой бровью. Петренко закричал зубами, сжал до боли в ладонях кулаки. Получается, он выдал себя снайперу, когда смотрел в первый раз, оптика дала блик, снайпер понял: под боком мишень. И терпеливо ждал момента.

К Сене Петренко относился как к сыну. С Варварой они поженились в двадцать седьмом году. Первый сын умер, про-

жив месяц, второй, Петя, в три года переболел менингитом. Почти не разговаривал. Самую малость, и то лишь родители понимали, что говорил. В семь лет взяли Петю в районный городок в школу-интернат для глухонемых. В начале следующего учебного года Петя пропал. В пяти километрах от их деревни проходила железнодорожная ветка. Как оказалось, Петя ушёл из интерната на вокзал, забрался на тормозную площадку товарняка, почему-то решил, что все составы идут в сторону Березняков. И уехал на запад. Подали во всесоюзный розыск. В те долгие месяцы Григорий Калистратович молился как никогда. Петя пропал в сентябре, на следующий год в августе в районную милицию пришло письмо: в Куйбышеве (сейчас – Самара) задержан мальчик, похожий по описанию на Петю. Григорий Калистратович поехал. В Куйбышеве его из милиции направил в приют. Директор объяснил: «Выведут несколько мальчиков, один из них предположительно ваш сын». Мальчишки были одного возраста, одинаково одеты. Петренко побежал глазами по строю, и вдруг от него отделился Петя, худой, со счастливыми глазами:

– Папа! – бросился к отцу.

«Папа» произнёс с трудом, но произнёс.

Почти целый год ездил он на поездах, надеясь вернуться домой.

Они были чем-то схожи с Сеней. Оба белобрысые, с торчащими ушами.

До войны после Пети шесть раз рожала Варвара, четве-

ро умерли, Люба и Миша выжили. К Пете было особое чувство, замешанное на собственной вине, не уберегли от болезни мальчишку, хотя как тут уберёжешь. Петя тосковал в интернате по дому, приезжая, прижимался к отцу, а когда смотрел в глаза, казалось, знает что-то такое, чего отец не ведает, а он сказать ему не может. Не ожесточился после своих мытарств, но если вдруг раздавался резкий звук, сжимался, как собачонка. А потом смеялся над своими страхами.

Петренко лежал рядом с Сеней. Слева по диагонали от окопчика, если смотреть в сторону немцев, метрах в трёхстах, росла купа деревьев, скорее всего, снайпер там устроил лежбище. Наши позиции оттуда как на ладони. Дать бы залп.

Петренко под прикрытием кустов отполз назад. Был у него запасной вариант – воронка. Доложил капитану о случившемся. Снежин выматерился:

– Эх, не сберегли пацана. Что ж ты... Ладно, больше не высывайся. – После первого залпа скорректируешь, может, и стрелка накроет, во всяком случае, очко у него сыгрывает! Подсыплем немчуре перцу, а то он заскучал.

Перцу подсыпали. Командный пункт накрыли со второго залпа. По первой и второй линии окопов прошлись. Немцы со своей стороны в долгу не остались.

С темнотой подползли к Петренко два разведчика, помогли вытащить тело Сени.

Накануне вечером, после ужина, Сеня протянул сложенный вдвое листочек:

– Дядя Гриша, это адрес тёти, если убьют, напишите ей. Она маме передаст, когда их освободят.

– Да брось ты, Сеня, тебе надо маму освободить. Я что ли за тебя должен? Ты на меня не перекладывай свою Варваровку.

Петренко написал в Серов. После войны лет пятнадцать переписывался с матерью Сени.

Она по описанию Петренко отыскала могилу сына. В той могиле похоронили ещё разведчика, подорвался на mine, возвращаясь из-за линии фронта.

Похоронка

История похоронки на Петренко надолго осталась в памяти деревни. И через двадцать лет вспоминали. Да что двадцать, Березников полвека нет на белом свете, Иван месяц назад к однокласснику зашёл, а у того мать-старушка, под девяносто, первым делом спросила:

– Ваня, рассказывали тебе, как на отца твоего похоронка приходила? Я ещё в девчонках была.

И смеётся.

Письма Григорий писал с фронта регулярно. Раза два-три в месяц приходил от него солдатский треугольник в Березники. Сердце Варвары обмывало радостью, когда кричала Надя Василенко:

– Тётя Варя, пляшите!

Надя была высокая, нескладная, скорая на ногу и громкая, тихо говорить не умела, требовала обязательно плясать в обмен на письмо. Варваре, как человеку в возрасте (далеко за тридцать), была скидка, достаточно было изобразить пару притопов, и треугольник оказывался в её руках. Молодых женщин Надя заставляла по-настоящему бить каблуками или пятками. Варвара, получая треугольник, с жадностью читала. Текст был примерно один и тот же, лишь в зависимости от метеоусловий на фронте менялось описание погоды. Да не в этом суть, не важно, что в письме, главное –

живой её Гриша. И вдруг замолчал. Месяц Надя-почтальонка не требует пляски, второй при встрече бодро повторяет: «Пишет вам дядя Гриша». В голову Варвары полезли нехорошие мысли. Вечером сделает всё по дому, дети уgomонятся, сама ляжет, и не может уснуть, думая всё то же: неужели что-то с Григорием случилось. Не представляла, как будет без него. Однажды после окончания собрания общины в сумерках шла с подружкой, Григорий догнал их, украдкой взял её за руку и крепко сжал. Для неё в том пожатии было всё – признание в любви, сватовство, желание навсегда быть вместе. Григория выделяла среди парней, но вида не показывала, и думала, она ему неинтересна... Двадцать лет прожили лучше не надо...

День стоял сухой, осенний, солнечный – на колхозном поле копали картошку. И вдруг доносится «мама». Голос дочери Любы, и ещё раз «мама», но уже голосом сына Миши. Распрямила спину от картофельного рядка, по полю её дети бегут и кричат:

– Мама, мама, письмо пришло с войны!

Это Люба. Миша вторит:

– Мама, не треугольник, конверт!

У Варвары сердце оборвалось, в глазах потемнело – похоронка. Схватила за руки детей, побежала, в голове стучит неотвязчивая мысль: убили её Гришу, убили!

Вбежала на крыльцо, пролетела сени, распахнула рывком дверь. Первое, что бросилось в глаза – конверт на столе,

большой и запечатан, заштампован. Слезы брызнули из глаз, схватила проклятое письмо, зашвырнула его за печку, сама в рёв:

– Убили нашего папку!

Упала на лавку, кричит в голос.

Почтальонка-Надя тоже решила: похоронка. Разнесла весть по селу. Похоронки долго обходили деревню. И вот первая. Одна соседка прибежала утешать, вторая. Пришёл дядя Григория, Лев Степанович, младший брат Калистрата Степановича. Дядя Лёва по возрасту под мобилизацию не попадал, работал в колхозе. Услышал от Нади-почтальонки о страшной вести, поспешил к Варваре. В доме стоял рёв, убивалась по мужу Варвара, масла в огонь подливали соседки, причитая: Гриша, он же муху за свою жизнь не обидел, таких мужиков поискать...

Лев Степанович тоже принялся утешать свояченицу:

– Война ведь, Варя, что поделаешь. У тебя дети, возьми себя в руки...

Попросил похоронку. Может написано, где убит Григорий, после войны надо разыскать могилу.

Варвара махнула рукой в сторону печки:

– Там.

За печкой были сделаны полаты, под ними валялся конверт.

Лев Степанович вскрыл конверт, пробежал глазами и захохотал:

– Дура, ты, Варя, ой дура. Григорий получил четыре благодарности от Сталина!

И начал громко читать:

– Ефрейтор Петренко Григорий Калистратович. За отличные боевые действия приказами Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина Вам – участнику блестящих побед над немецко-фашистскими захватчиками, объявлено четыре благодарности...

И начал перечислять, за какие боевые заслуги полка и лично ефрейтора Петренко Сталин дал благодарности, а зарёванная Варвара слушала и не знала – верить или нет.

– Смотри! – показал для убедительности бумагу с портретом Сталина, с красными знамёна по бокам, текстом с красивыми буквами и размашистой подписью командира части под ним.

– Папка живой! – закричала Люба.

– Папка герой! – закричал Миша.

Варвара снова пустилась в рёв, теперь от радости.

По деревне полетела новая весть: Сталин прислал Варваре полный конверт благодарностей.

Не писал Петренко потому – лежал в госпитале, в одном из тех боёв, за которые получил благодарности от Сталина, ранило в ногу. Лечился в госпитале и не хотел, чтобы Варвара паниковала из-за его ранения, поэтому решил, лучше молчать, чем врать. Не умел врать. А получилось ещё хуже.

После Парада Победы

Григорий Калистратович, возвращаясь после Парада Победы домой, мечтал снова сесть за баранку, да не получилось: машины в колхозе не было, назначили его заведующим колхозным складом. Место искусительное. Потому и назначили, руководствуясь соображением: баптист, значит, воровать не будет. Не воровал он. Через два дома от Петренко жили братья Остапик. Следили за ним, стремясь поймать за руку. Вовсе не за-ради сохранности колхозного добра проявляли инициативу с засадами и слежкой, не жалко им было зерна, муки и других питательных продуктов. Старший брат, Ефим, признается через много-много лет, незадолго до своей смерти. Столкнулись они с Григорием Калистратовичем на вокзале, и тот, и другой пришли на электричку, в Омск собрались. У Ефима сын там жил, Петренко к дочери Любе ехал. До электрички минут двадцать, тёплое летнее утро, сели два старика на лавочку на перроне. Ефим вдруг возьми и скажи. Надо понимать, червячок в душе глодал его.

– Калистратыч, – повернёт он лысую голову к собеседнику, – а ведь мы, дело прошлое, с брательником Яшкой стерегли тебя. Помню, муку колхозную привезли с мельницы, ты принял её, ну и в амбаре что-то делаешь. Дело под вечер, сумерки уже, осень. Мы с Яшкой под амбар залезли. Амбар помнишь колхозный?

– Как не помню, – с интересом слушал Петренко.

– Добрый был амбар. По сей день бы стоял. Залезли мы под него, лежим. Ну, разведчики, ети её в корень. А чё лежим, ждём воровства. Ты в торбу муку отсыплешь, амбар на замок, пойдёшь домой, а мы тут как тут: стоять! С поличным тебя цап-царап. Иди сюда, расхититель колхозной собственности. Врать не буду: жалеть тебя не собирались. Не для того ловили. Расчёт был: тебя в каталажку, а мы на место завсклада. Не вдвоём, конечно. У Яшки семь классов образования, председатель говорил ему: я бы тебя поставил на склад, да место занято. Вот мы и задумали освободить тёплое местечко. Размечтались, а ты с пустыми руками идёшь из амбара. Несколько раз караулили... Ты уж не обижайся, Калистратыч, время такое было, голодное.

Мать рассказывала Ивану, как ни просила она отца взять немного крупы или муки. Ведь никто и не заметит. Взять не себе, послать родственникам на Украину, те слёзно просили в письмах помочь, голодали после войны.

– На это отец всегда говорил, – вздыхала, – что никакая посылка с продуктами всё равно не дойдёт, распатронят по дороге. Ни со склада ничего не приносил домой, ни с магазина, когда продавцом поставили.

В отличие от братьев Остапик не любил Петренко хлебные должности. Как только машина пришла в колхоз, пересел за руль, а потом и вовсе в скотники перешёл, это перед пенсией, чтобы хорошую пенсию заработать. Скотникам хо-

рошо платили.

При повороте государственной политики к укрупнению колхозов, Березняки оказались не у дел, народ начал разъезжаться, деревня стала хиреть. В 1968 году разрешили баптистам открывать молельные дома. Вот тогда семья Петренко перебралась в районный городок. Они ещё успели продать свой дом, позже дома бросали, уезжая. Община баптистов выбрала Петренко пресвитером. Он внёс больше половины нужной суммы при покупке молельного дома.

Иван не один раз думал, мог бы он, как отец, стать баптистом, сложись жизнь иначе. До пятого класса, пока не уехал учиться в школу-интернат, присутствовал на собраниях баптистов, если проходили у них дома. Такие сходки были в о время запрещены, поэтому собирались со всеми предосторожностями, будто чай попить. Окна закрывали ставнями. Читали Священное Писание, пели. Отец подыгрывал. Он хорошо играл на гармошке, аккордеоне, скрипке. Инструменты освоил самоучкой, слухачом был, но играл хорошо. Приходили в основном женщины, два-три старичка.

Отец не принуждал детей, Ивану, когда он школу окончил, говорил:

– Без Бога я бы на войне погиб. Скольких ребят из полка похоронили. А ведь гаубичная артиллерия – не пехота, в атаку не ходили. Но и танками давили, самолётами бомбили. А я всю войну у немцев под носом. Лежишь на нейтральной полосе, немец вот он, рукой подать, голоса долетают, и снай-

пера хлеб даром не ели. Держи ухо остро. И здесь повезло. Всего один раз подстрелил снайпер. И то удачно – кость не задела пуля. Целился он в голову, узрел меня с биноклем... Или я вовремя сдвинулся, или он сплеховал, в левую руку попал. А обстрел начнётся, ты и корректируй, и за связь отвечай. Под Старой Руссой восемнадцать порывов насчитал, пока бой шёл. Ползёшь, ищешь, где провод перебило, вокруг земля ходуном. Молюсь в этом аду, прошу Бога помочь. Да и без войны всю жизнь с Богом... Взять нашего Петю, разве без Бога нашёл бы его. На войне так не молился, как в тот год. Был уверен, живой Петя... А наша Зорька?

Ивану было семь лет, в школу ходил. Не мог смотреть на умирающую Зорьку, убежал в баню, стояла она в конце огорода, и там, сидя на лавке, ревел белугой. На Зорькином молоке рос. Мама рассказывала, ещё говорить толком не умел, вечером увидит, она собирается корову доить, сразу требовать: «Где мой подой?» Подойник, значит. Было детское ведёрко, с ним шёл в стайку. Мама садилась под корову, причём первым делом доила Зорьку в этот «подой». Наполняла ведёрко, подавала сыну, он тут же, не отходя от коровы, опустошал ёмкость и только тогда отправлялся с торчащим из-под рубаки пузом по своим делам. Когда подрос, ходил с отцом или мамой за деревню в луга, когда их очередь выпадала пасти стадо. Был уверен, их Зорька – самая лучшая корова во всей деревне. Зорька была средних размеров, красной масти, с аккуратными рогами.

– Наша Зорька самая красивая, – с гордостью говорил маме.

– А как иначе, кормилица.

И вот Зорька умирает. Она отелилась, и выпала матка. Пришёл ветеринар, дядя Федя Бондаренко, с лохматой головой, в очках с толстенными стёклами. Как ни вправлял выпавший орган, не держался он в Зорьке, выпадал наружу... Дядя Федя попросил бутылку, ловким движением отбил донышко, тем самым сделал воронку, влил с её помощью во чрево животного льняное масло.

Через два часа пришёл ещё раз, осмотрев Зорьку, сказал:

– Не жилец она, Калистратыч. Мой тебе совет: резать, пока не сдохла.

Ноги уже не держали Зорьку. Её выволокли из стайки во двор. У отца под навесом лежали доски, постелил их на холодную апрельскую землю, на этот настил вдвоём с ветеринаром затащил Зорьку. Зорька безвольно соглашалась на все манипуляции с собой, смотрела на мир глазами, полными боли и грусти.

Отец взял сторону специалиста – резать. Мать встала стеной: не дам. Как без коровы. Деньги взять неоткуда, чтобы замену Зорьке купить, а дом полон детей. После войны у них родилось ещё трое, две дочери да Иван-последыш.

– Дело хозяйское, – сказал на причитания Варвары ветеринар, – решайте, если что – зовите.

Под вечер он заглянул ещё раз. Зорька всё также безжиз-

ненно лежала на досках.

– Калистратыч, я тебе говорю: надо резать скотинку!

Хозяйка мнение не поменяла, стояла на своём: резать не дам.

Всю ночь отец читал Евангелие, молился. А когда утром вышел на крыльцо, Зорька стояла во дворе как ни в чём ни бывало, с торчащей из неё бутылкой-воронкой с неровными острыми краями. И ещё лет семь кормила семью. Уезжая из Березняков, родители продали её родственникам.

Корреспондент Додошкин

Власти, разрешив баптистам иметь молельные дома, но в покое не оставили, контроль не ослаб со стороны партии, комсомола и надзорных органов. Посещать собрания разрешалось взрослым, дети – ни-ни. За этим следили строго, в том числе и школа. А тогдашние средства массовой информации вещали на массы об успехах идеологического фронта.

Работал в районной газете их городка корреспондент Додошкин, который взял на себя борьбу с «религиозным дурманом». Это был его конёк – раза два-три в квартал ратовал статьями за атеизм. Григорий Калистратович частенько попадал Додошкину на карандаш. С открытием молитвенного дома Додошкин увидел в Петренко мировоззренческого врага, с большим удовольствием спускал на него атеистических собак. Молитвенный дом без того был под постоянным контролем, в штатном расписании райкома партии имелась должность – инструктор по атеизму. Инструктор время от времени ударял рейдами по баптизму, обязательно брал с собой Додошкина вместе с его острым пером, которое через день-другой отчитывалось о проделанной работе фельетоном или хлёсткой статьёй.

В последнее время Иван частенько вспоминал давно почившего Додошкина, сталкиваясь в ютубе с роликами одного современного журналиста. В девяностые годы восторгался

ся Иван его телевизионными репортажами: всегда яркими, с динамичной подачей. Времена шли бандитские, репортёр ходил по краю, и каждый день на протяжении продолжительного времени бросал свои короткие репортажи в лицо обществу: смотрите, в каком непотребстве живём – воровство, бандитизм, тупизм. В те далёкие времена честно заработал имя. А потом размордел, забронзовел и стал один в один Додошкин. Последний чаще по баптизму бил, репортёр принялся ретиво обличать православную церковь. Додошкину, понятно, государство платило за атеизм, обличитель-репортёр тоже не задарма, поди, работал, платил кто-то. Неплохо, раз не сходил с церковной темы. Вещал с пюпитера, как и подобает обличителю. Патриарха называл по фамилии, попы у него были рвачи, обманщики, исключительно, на «мерседесах». Был он, как и Додошкин, человеком неглубоким, да от него глубины не требовалось.

Так что дело Додошкина живёт и процветает.

Иван болезненно воспринимал писанину Додошкина. И уж совсем возмутила статья, в которой Додошкин рвал на груди рубаху, он-де кровь проливал, сражаясь лицом к лицу с фашизмом на войне, а такие как Петренко в тылу со своим Богом ошивались.

– Давай напишем этому Додошкину! – убеждал отца. – Напишем редактору газеты. Они, конечно, не опубликуют, не извиняться, но хотя бы заткнутся в отношении того, что ты ошивался по тылам. У тебя награды, четыре благодарно-

сти Сталина, ты участник Парада Победы.

– Ничего писать не будем. Додошкин всё равно любую информацию вывернет в свою пользу. Бог с ним. Пусть пишет. Мы закон не нарушаем.

В тридцать два года Ивана назначили директором клуба. Буквально через месяц звонок из райкома партии: у вас будет открытый суд над сектантами. Свою роль в том деле сыграл Додошкин. Он разнюхал про детскую воскресную школу в немецкой деревне и своей статьёй заложил её. В принципе, школа была обречена: раньше или позже про идеологическую партизанщину узнали бы и врезали. Разве что статья Додошкина подтолкнула на показательный суд. Зал на триста мест был полон. В основном немцы-баптисты, в деревнях района их было много. Если отец Ивана свою общину зарегистрировал, немцы не хотели идти по этому пути. На суде на скамье подсудимых сидели двое. Учительница – организатор баптистской воскресной школы. Мало того, что вела религиозную пропаганду среди детей, что уже уголовно наказуемо, так ещё проводила занятия по изучению Библии под крышей деревенской школы. Второй подсудимый – руководитель незарегистрированной общины деревни. С его ведома существовала баптистская воскресная школа. Учительнице было под сорок, руководитель чуть старше. Получили они реальные лагерные сроки. Руководители общины дали четыре года (так и умер в тюрьме), учительнице – два. От клуба до машины, которая увозила их в тюрьму, шли осуждённые как

победители – ступая по цветам. По обеим сторонам дорожки выстроились шеренги баптистов, и летели под ноги узников букеты цветов из рук единоверцев. Иван стоял поодаль, запомнилась фраза, брошенная кем-то: а кровью коммунистов мы ещё будем крыши красить. Иван коммунистом не был и считал приговор суровым. Учительница сказала на суде: «Я учила детей в воскресной школе любви, добру, честности, и вовсе не настраивала против советской власти, которая от Бога».

Додошкин разразился в газете целой полосой, описывая суд. В день выхода газеты, вечером Иван зашёл к родителям. Отец сидел за столом, перед ним лежала газета.

– Что скажешь, папа? – спросил.

– Даст Бог, когда-нибудь всё образумится. В Евангелии сказано и о гонениях христиан, и о наступлении торжества учения Иисуса Христа.

Свеча памяти

В День Победы Иван поднялся рано-рано утром, попил на скорую руку чай. Вывел машину из гаража. Договорились с сестрой Зиной, она была старше на три года, приедет к ней. Решил выехать пораньше, пока полиция спит. Она не лютовала, как в Москве, где требовались, куда бы ты ни ехал, пропуска, в провинции было проще, но лучше не сталкиваться со стражами порядка. По этой же причине Иван надел маску. Вчера в магазин пошёл, женщина в маске здороваётся, а он понять не может – кто это. Оказалась, бывшая сотрудница, с которой проработали в клубе лет десять. И смех, и грех... Дорога была пустынной, фуры, ставшие обязательным атрибутом дорожной жизни, отсутствовали, граница с Казахстаном, он был рядом, закрыта на карантин. По обочинам стеной стояли в весёлой молодой зелени берёзовые леса. Весна ранняя, чаще к Дню Победы берёзы только-только выстреливали робкой зеленью, а то и голые стояли, в этом году полноценно шумели листвой. Иван уже попробовал в бане свежий веник, вполне. А с берёзовым соком прособирался. Двадцатого апреля берёзовые распустились.

До города доехал без приключений. Никто не остановил. Месяц назад был в Омске, тогда поразили пустые дороги, будто автомобилисты вымерли как класс. И прохожего люда не было на тротуарах. На этот раз картина выглядела иначе.

Первый шок от коронавируса, зверствующего в телевизоре, улетучился, утреннее движение в городе было обычным.

Сестра жила на восьмом этаже в девятиэтажном доме. Сразу по приезду Иван облюбовал окно на кухне, где разместится со свечой памяти и фото. Фотографию взял ту самую, московскую, где отец с братом после Парада Победы.

К девяти вечера не стемнело, всё ещё держались сумерки, он затеплил свечу, специально в церкви купил большую. Подумал одно мгновение и повернул фотографию лицом к окну, выключил свет на кухне. Во дворе дома был детский сад. За ним, буквой «Г», высилась девятиэтажка, ещё одна – малосемейка, без балконов – была слева, она закрывала двор с западной стороны. С восточной подпирала двор пятиэтажка.

Иван пробежал глазами по окнам – свечей не было. «Неужели я один», – подумал.

В коридоре за спиной открылась входная дверь, послышались голоса, сестра с внуком Данькой, осенью в школу идёт. В этот вечер они нарушали режим самоизоляции – ходили к соседям на день рождения Данькиной однокашнице по детскому садику.

Данька вбежал на кухню, схватил с дивана заготовленную заранее пилотку, в ней в прошлом году ходил с Бессмертным полком, надел со словами:

– Деда Ваня, горят свечи?

Днём Иван посвятил его в суть акции памяти.

– Похоже, Даня, люди не знают. По телевизору не говори-

ли. Нет свечей. Ну да ничего – мы с тобой вспомним свечой ветеранов, уже хорошо.

Данька забрался на стул, припал лицом к стеклу.

– Деда, в малосемейке есть, – радостно закричал. – На втором этаже!

Иван присмотрелся. Точно, горела свеча.

– Дед, за садиком в девятиэтажке... – Данька показывал рукой на дом буквой «Г». – Между тополями смотри... И ещё на пятом этаже. А вон ещё нашёл, и ещё...

Глазастый Данька узрел даже свечу в окне на другой стороне улицы. Между пятиэтажкой и девятиэтажкой, которая буквой «Г», была видна дорога, перпендикулярно к ней стоял ряд панельных пятиэтажек.

– Там я точно не увижу.

– Сейчас, – Данька спрыгнул со стула, убежал из кухни, вернулся с театральным биноклем.

Вооружившись оптикой, Иван отыскивал свечу за дорогой, затем прошёлся по окнам всех домов во дворе. Свечи были церковные, стеариновые, в стеклянных баночках...

– Дед, если война будет, – Данька снова взобрался на стул, – пойдёшь воевать?

– Война – это не дай Бог! Но если враг нападёт, как не пойти! Обязательно!

– И я с тобой!

Вошла сестра, спросила:

– Ваня, ужин греть, мы-то наелись на дне рождения.

– Подожду, когда свеча догорит.

– Война начнётся, – доложил Данька, – мы с дедом воевать пойдём!

– Вы-то, старый да малый, дадите врагу жару, враз лапки кверху задерёт!

– Придумал, – воскликнул Данька, – сейчас ролик снимать буду!

Данька был современным ребёнком. Семи ещё нет, но уже читал и ловко писал эсэмэски. С помощью отца завёл канал в ютубе, без ложной скромности назвал его «Данька отличник», записывал и загружал туда ролики. Коротенькие, в десять-пятнадцать минут, они посвящались компьютерным играм. Лишь на одном, держа перед собой глобус, бойко рассказывал, где какие страны, города и континенты расположены. Ориентировался в географии верно, лишь Буэнос-Айрес почему-то оказался у него озером. Ещё был ролик, он больше всего нравился Ивану, Данька читал сказку и делал весёлые комментарии. Ивану звонил перед загрузкой очередного ролика, чтобы не дед забыл посмотреть, поставить лайк и написать комментарий. Радовался каждому новому подписчику своего канала. Призывал всех родственников подписываться на «Даньку отличника».

Данька включил свет в кухне, начал снимать смартфоном свечу, фотографию, при этом звонким голосом рассказывал, что на войне у прадеда Гриши был автомат ППШ, его наградили орденом Красной Звезды, а после война он шагал на

Параде Победы. С балкона, чтобы стекло не мешало, попытался снять огоньки свечей в окнах. Закончил ролик докладом о своей готовности идти с дедом на войну в случае вражеского нашествия.

А Иван вспомнил глаза отца, какими он смотрел на него ровно тридцать лет назад в ту последнюю их встречу в больнице перед Днём Победы.

Несе Галя воду

Было воину Великой Отечественной девяносто с маленьким прицепом. И всё бы ничего. Здоровье вполне – ходил без палочки, читал без лупы, слух, конечно, не ахти, оказался самым слабым местом в организме. В остальном живи да радуйся – не каждому столько отпущено ходить по земле-матушке. Одно плохо – телевизор выводил из себя. Сын Владимир ругался:

– Не смотри ты его! Не заводись! Не рви сердце!

Да как не заводиться, когда по Киеву и Львову, которые он освобождал соответственно в сорок третьем и сорок четвёртом, ходят маршами молодчики с портретами Бандеры и Шушкевича. Да с факелами. Новые власти незалежной дошли до того, что фашистские ОУН и УПА признали законными. Великую Отечественную войну упразднили, нет больше такого понятия на Украине. Четыре раза летал он в разные годы в Киев на празднование Дня Победы. Сердечно приглашали, душевно встречали, самую высокую честь оказывали ветеранам-воинам-освободителям. И на тебе – снова на Крещатике фашисты. Без артобстрелов и бомбардировщиков, танков и пехоты взяли город. Как здесь не рвать сердце?

Кабы бы только маршировали бандеровцы с факелами, кабы только похваляясь свастикой. На Луганщине и Донетчине

зверствуют, будто повставали из могил головорезы, которых уничтожал он в конце сороковых. Пытают, насилуют, убивают беззащитных стариков и детей. Ну, те-то бандеровцы, коих он успокоил, не встанут, тут стопроцентная гарантия. Беда, что не под корень вывели заразу. Новые бандиты, да похлеще прежних появились. В лютой осатанелости дальше пошли – органы у раненых извлекают на продажу. Как здесь спокойным быть, когда такая сволочь безнаказанно по земле ходит?!

Была ещё одна печаль-кручина у ветерана. Об этом ни с кем не делился, думать не хотел, да лезла в голову мыслишка: в рядах бандеровцев могут быть его внуки. Могут... Дети навряд ли, за шестьдесят им, а внуки...

Победу Иван Левченко встретил в Праге, потом часть перебросили в Венгрию, в сорок седьмом – на Западную Украину. А первый бой принял в феврале сорок второго под Старой Руссой, потом, исключая время, что в госпиталях валялся, постоянно был на передовой. В какие только переделки не довелось попадать, всего не упомнишь, но два случая врезались в память. В сорок втором граната разорвалась в шаге от него. В первые мгновения думал – всё. Лицо, посечённое осколками, кровью залило, ухо шапки как бритвой полосонуло. В голове шум. Глаз кровавая пелена закрыла. Однако ни один осколок черепную кость не пробил, все вскользь прошли. Но в госпиталь отправили, как-никак ранение в голову. Сокрушался, подлечившись, свою часть не

смог догнать, рвался к своим ребятам, а его на 1-й Украинский фронт определили. Второй памятный случай произошёл после Победы – в сорок седьмом, в сентябре. Группу бандеровцев близ села Богородчаны ликвидировали. Ночью бандиты председателя сельсовета, бывшего командира партизанского отряда, топором зарубили, учителя вилами закололи, фельдшера изнасиловали и зарезали.

Услышал Иван фамилию фельдшера – Лойко – и кулаки до боли сжал. Неделю назад подвозил его, точнее – её, до Богородчан. Дитя дитём. Худышечка, с виду – класс восьмой, не старше. В дороге рассказала, что после окончания Одесского медучилища получила направление в Станислав (позже переименоуют его в Ивано-Франковск), оттуда в Богородчаны направили. Коротко остриженные волосы, вздёрнутый носик, в руках деревянный чемоданчик. Представилась:

– Надя Лойко.

Иван ещё пошутил: не родственница цыгану Лойко Зобару, о котором Горький в «Макаре Чудре» написал.

– Может быть, может быть, – кокетливо стрельнула в старшего лейтенанта острыми глазками.

Не пожалели, сволочи, этого ребёнка. Среди ночи ворвались бандеровцы в дом, куда фельдшера определили, пожилая хозяйка из местных пыталась защитить девчонку, да куда там, герои были настроены решительно: раз комсомолка – «на гиляку». Надругались, звезду на спине вырезали...

СМЕРШ хлеб не зря ел, раздобыл информацию – главарь

банды с группой поделщиков должны объявиться на глухом хуторе. Командир батальона вызвал Ивана, дал полвзвода – проверить разведданные, если верные – уничтожить бандитов. Выехали по темноте, за километр до места назначения Иван остановил машину, дальше двинулись пешком. На хуторе стояло четыре хаты. Одна выгодно отличалась от других. Если бандиты здесь, решил Иван – в ней разместятся. Не ошибся. Сами себя и раскрыли. Бандеровец вышел под утро по нужде и обнаружил красноармейцев. С предупреждающим криком бросился к дому, толкнул дверь и тут же был срезан автоматной очередью. Бандиты заняли круговую оборону, принялись отстреливаться из окон. Бойцы Ивана своё дело знали туго, все как на подбор фронтовики. Забросали дом гранатами. И всё стихло.

Иван на всякий случай швырнул ещё одну в открытую дверь, подождал и поднялся на крыльцо. Перешагнул труп бандеровца (тот красноармейцам хорошо помог, заклинив собой дверь), сделал два шага внутрь хаты... Всё произошло мгновенно, память зафиксировала тишину до звона в ушах и тараканов, бегущих по глинобитному полу. Похоже, короткий бой стал громом среди ясного неба для их запечной райской жизни, посему, как только стрельба прекратилась, вылезли из укромных мест и пустились наутёк из опасной хаты.

Того бандеровца, как и тараканов, спасла от разрывов гранат печь. Иван услышал шорох за правым плечом и с разворота дал автоматную очередь. Бандит стрелял из пистоле-

та, пуля пролетела по касательной, обожгла шею. Иван не промахнулся, очередь надёжно вошла в грудь противника. Отомстил за фельдшера. Это был главарь банды. Мордатый дядька, усатое лицо обезображено шрамом, он тянулся от уха к подбородку.

Три года с лишним воевал Иван на фронте, почти столько же пришлось ходить после войны под пулями. Но мирная жизнь, даже если под боком в лесах бандеровцы, она не фронтовая. В Богородчанах советский офицер влюбился в Галю. Ему двадцать три, ей девятнадцать. Самое время вспыхнуть в сердце сладкому огню. Кому довелось хоть раз в жизни побывать в начале мая в Киеве, тот не даст соврать: украинские девушки – особый разговор. Утопающий в цветущем красавце Киев – каштаны, сирень, белая акация, вишни да яблони с абрикосами – и необыкновенные девушки. На Западной Украине они едва ли не краше. Во всяком случае, есть эксперты, отдающие предпочтение девушкам Западной Украины. Мол, лесной да горный воздух оказывает неповторимое воздействие на формирование женского облика.

Как бы там ни было – влюбился Иван в Галю. Черноброва, голубоглаза, щёки – маков цвет. Если начинала смеяться – сердце у старшего лейтенанта улетало в поднебесную высоту. Песня «Несе Галя воду» будто с этой нашей пары списана.

Несе Галя воду, коромысло гнется,
За нею Иванко, як барвинок вьється.

Она – Галя, он по документам Иван, да по большому счёту – Иванко. Сибиряк настоящий, да Левченко. Предки с Черниговщины. За лучшей долей приехали в Сибирь, там и осели. Увидел старший лейтенант Галю, и сорвалось сердце барвинком. Мать девушки работала в столовой воинской части, где служил Иван, Галя к ней пришла, а тут Иван. Так и познакомились. Никогда больше ни к кому не испытывал Иван такой нежности. Веселя девушку, строил рожицы, что умел делать мастерски. В заразительном смехе Галя запрокидывала голову... Густой румянец щёк, белая до невозможности кожа шеи, в косу убранные чёрные, как смоль, волосы и залиvistый смех... Накрывала парня волна счастья, восторга. Всё сошлось той весной: запах цветущих садов, умытых дождём, запах девичьих волос, и состояние влюблённости, не прекращающееся ни на секунду. Где бы ни был, что бы ни делал – перед внутренним взором Галя.

На войну Иван ушёл из Омской области. Его родная деревня Боголюбовка стояла среди лесостепи Марьяновского района. Почему ревностные радетели чистоты советской топонимики, выкорчёвывающие любое упоминание о Боге, не переименовали после революции деревню в Ленино, Сталино или, на крайний случай, в Советское – трудно сказать. Даже в лютые атеистические годы оставалась она Боголюбовкой. Это к слову. Интересней другой факт в нашем повествовании – на войну Иван сбежал. В самом что ни на есть

прямом смысле. Приготовил тайком сидор, куда бросил кусок хлеба, шматок сала, и ускользнул из дома. В феврале 1941-го ему исполнилось семнадцать. В июне окончил школу, а тут война. С другом-одноклассником Гошей Самойленко подождали-подождали скорой победы, однако, чем больше слушали сводки «Информбюро», тем крепче становилась решимость идти на помощь нашим войскам, которые отдавали врагу город за городом.

Хоть и двигался фронт под натиском врага на восток, всё равно проходил очень далеко от Боголюбовки. Пешком не добежишь до линии огня. Железная дорога проходила через Марьяновку, это не так далеко от Боголюбовки, да время военное, сел да поехал к местам боевых действий не получится – кругом проверяющие, тут и там патруль. Друзья решили для начала добраться до Омска, это не крохотная станция Марьяновка, где всё на виду, может, в городе удастся проникнуть в состав, идущий на запад. Ожидания оправдались. Потолкались друзья в вокзальной неразберихе, глядь – группа детей, лет по четырнадцать-шестнадцать, готовится к посадке. Человек сорок, двое взрослых с ними. Иван с Гошей затесались среди подростков и проникли в вагон.

Забились наши герои на третьи полки и доехали до Свердловска, где угодили в руки серьёзных органов. Намётанный глаз милиционера засёк на перроне явно не местных парней и сдал в соответствующую службу. Там быстро добровольцев раскололи. Легенду они придумали не бог весть какую: едут

домой, в город Клин, отстали от родителей. Врали неубедительно, но упрямо стояли на своём: документы у них украли, поэтому добираются, как получится.

– Вы лазутчики, – вдруг закричал на них офицер с кубарями в петлицах, при этом громыхнул кулаком, надоело ему слушать детский лепет.

– Сознавайтесь, – потребовал, – не то расстреляю!

Выхватил для убедительности пистолет:

– Война, а вы тут мне чушь городите!

Давит на психику.

– Сорокин, – закричал автоматчику, стоящему за дверью, – расстрелять!

Гоша от вида пистолета, от безжалостного «расстрелять!» так испугался, что с ним произошёл казус – обмочил штаны.

Залепетали герои в один голос:

– Дяденька, всё расскажем, не убивайте!

Выложили о своих планах соединения с частями Красной Армии. В Боголюбовку был отправлен запрос. Пока туда-сюда бумаги ходили, посидели герои на нарах, поели тюремной баланды и обрели кой-какой жизненный опыт. Обратном в Марьяновку их отправили в столыпинском вагоне с заключёнными. Тогда-то Иван научился материться и впервые услышал блатные песни.

Сын Ивана Яковлевича Владимир рассказывал автору этих строк: однажды сидят они за праздничным столом в День Победы, вдруг отец, было ветерану уже за восемьдесят,

приняв граммов двести фронтовых, заявляет:

– Дети, сейчас буду петь матерные песни.

Никогда ничего подобного, тут ностальгия по военной молодости в непечатном виде. Не остановило, что внучка-любимица рядом. Пусть ей за тридцать, да всё одно – внучка. Всё-таки спел ветеран пару куплетов. Конкретная похабщина.

– Ну, ты, дедуля, мочишь корки! – сказала Леночка с улыбкой.

– Из песни, внуча, слов не выкинешь, – ответил довольный дедушка.

Это мы забежали вперёд. Вернулись несостоявшиеся фронтовики в Боголюбовку, отец так отходил Ивана вожжами, что сын несколько дней сидеть не мог. Родитель ни разу до сего дня меры физического воздействия к сыну не применял, здесь не удержался. Гошиной матери под руку попала верёвка, тоже не сладко пришлось мягкому месту добровольца.

Хватило родительской учёбы на месяц с небольшим. В октябре друзья во второй раз покинули Боголюбовку в сторону передовой. И снова камнем преткновения на пути добровольцев в зону боевых действий стала столица Урала. На этот раз никто их в шпионы не записывал, к расстрелу не приговаривал. Положение на фронте к тому времени вовсе ухудшилось, поэтому на парней с десятью классами образования посмотрели иными глазами. Отправили в школу связистов.

К полноценно призывным восемнадцати годам Иван оказался на Северо-Западном фронте, под Старой Руссой. Там получил первое ранение. После госпиталя вернуться в свою часть не удалось, отправили его на 1-й Украинский фронт. С ним дошёл до Победы. Погибнуть мог не один десяток раз, да хранил Бог. Однажды едва ноги не лишился. Ходить бы остаток жизни на костылях или протезе. Получилось так. К тому времени он уже был более чем опытный боец и лейтенант. Конец января 1944 года, шла Корсунь-Шевченковская операция, которую называли Сталинград на Днестре. Здорово тогда немцам досталось, да и нашим тоже. В одной из атак, когда войска 1-го и 2-го Украинских фронтов, прорвав оборону противника, устремились навстречу друг другу, пуля угодила в ногу Ивану. По инерции пробежал несколько шагов, а потом упал. В принципе, удачно ранило – пуля прошла мякоть, кость не задела. Санитар перевязал с комментарием:

– Зарастёт как на собаке.

– Как на собаке, это я не против, – сказал раненый, – это я очень даже согласен!

Проблемы начались в прифронтовом госпитале. Не хотела рана зарастать как на собаке. Нogu раздуло. Чем дальше, тем хуже. При очередном осмотре врач обухом по голове:

– Начинается гангрена, будем ампутировать!

– Как ампутировать? – Иван едва с койки не упал. – Не надо ампутировать. Как потом буду?

– Дурашка, домой поедешь!

Иван не хотел в Боголюбовку без ноги, лучше снова на передовую с ногой. Смертей столько перевидал на фронте, но почему-то верилось – с ним ничего не случится. Врач своё:

– Нельзя дальше тянуть – помрешь!

Был в госпитале Витя Ястребов, земляк-сибиряк из-под Новосибирска. Шустрый паренёк, на месте не посидит, всё бегом-бегом. За что звали его Ястребком. Тоже по ранению в госпиталь попал. На три недели раньше Ивана. Ястребка можно было уже выписывать, да главврач придержал расторопного пехотинца, рук в госпитале не хватало – санитаров, помощников на кухне и в остальном хозяйстве. Ястребок говорил Ивану:

– Не ерепенься ты! Ну и отрежут ногу. Зато жив-живёхонек! Случись со мной, не раздумывая, согласился бы. У меня в самом первом бою контузия и ранение. Хорошо, в кармане портсигар стальной, в нём осколок застрял. Один в плечо, а этот прямиком в сердце шёл. Не хочу туда. Чувствую – убьют.

Иван твердил своё:

– Как я без ноги?

Да состояние всё хуже и хуже. Согласился на ампутацию.

– Вот и правильно, – похвалил Ястребок.

Он в тот день за санитаря был, ну и поспособствовал земляку в первых рядах оказаться перед операционной. Госпиталь после наступления переполнен, хирурги работали на из-

нос. Санитары только успевали подтаскивать раненых. Ивана должны были вот-вот положить на стол к хирургу, его очередь подошла, но вдруг медики забежали...

Ястребок потом рассказывал. Вышел он покурить, а тут подлетает «додж три четверти», из него полковник медицинской службы выпрыгивает.

– Где, – спрашивает, – генерал?

В отдельной палате в госпитале генерал-майор лежал. Его машина попала под артобстрел, ну и ранило. Командование оперировать генерала рядовым хирургам не доверило, прислали самолётом светило из Москвы. Мимо Ивана генерала на носилках пронесли в операционную. Иван как человек военный не стал возмущаться, что старший по званию вне живой очереди пошёл.

Минут сорок московский хирург потратил на генеральскую рану. Вышел из операционной довольный, всё прошло удачно. Не утомился.

В отличие от госпитальных медиков, он бессонными ночами не измучен, нескончаемым потоком раненых не утомлён, золотые руки только-только на генерале размялись, во вкус вошли. Автор повествования, понятное дело, слегка иронизирует, но к чести полковника не пошёл тот чай или спирт пить за здоровье генерала, сказал коллегам-медикам: до самолёта у него часа три-четыре, готов помочь, сделать несколько операций. Начал отбирать раненых. А Иван вот он – очереди ждёт. Полковник осмотрел рану, бросил:

– На стол.

Иван своё:

– Мне бы ногу сохранить.

– А кто тебе сказал: буду ампутацию проводить? Это и ваши хирурги сделают. Сохраним ногу.

Человек пять отобрал.

У хирурга свои инструменты, лекарства. Скорее всего, антибиотик был. Иван не спрашивал. Да он и не знал тогда про существование этого чудодейственного для полевой хирургии и редчайшего в те времена лекарства. У Ивана что получилось. Он в атаку пошёл в ватных штанах. Комфортно в таком обмундировании в окопе сидеть, а в бой, как показала практика, лучше лёгкие брюки надевать. Если расписать поэтапное движение пули, что нанесла рану Ивану, она сначала штаны прошила, при этом увлекла за собой кусочек ваты, затем вонзилась с ним в ногу, сама пошла навывлет, а посторонний предмет оставила в мякоти... Эта малость и стала причиной воспаления.

Госпитальным хирургам в такие тонкости некогда вдаваться – режь, пили да зашивай. Тогда как светило из Москвы пришёл к выводу: нога Ивану ещё послужит. Имевшиеся у него анестезирующие медпрепараты на генерала извёл, поэтому Ивана резал на живую. Тот был согласен любую боль терпеть ради спасения ноги. Полковник прочистил рану, укол Ивану вколол, возможно, антибиотик... Качественно операцию сделал. Вернул бойца в строй.

После полного выздоровления догнал Иван свою часть. Влился в боевой коллектив. Да вскоре с ним случилась досадная незадача. Проводили они разведку боем, и потерял он ложку. Выпала из-за голенища. А без ложки какой ты боец. Это, конечно, не личное оружие, которое по Уставу воин должен хранить как зеницу ока, да на войне не только бои, есть перерывы на завтрак, обед и ужин. Тут ложка, как автомат во время атаки. Неделю промучился Иван, то у одного арендует столь важный предмет солдатского быта, то у другого. Стыдно, а что делать? Вдруг вызывает его командир батальона. Рядом с ними стояла инженерно-сапёрная бригада, туда комбат отправил Ивана:

– Тебя зовёт какой-то полковник.

Вытянулся в струнку Иван перед полковником, доложил о прибытии «лейтенанта Ивана Левченко». А полковник в ответ улыбается:

– Здорово, племян, не узнал?

Оказалось, не только полковник, но и дядя Федя, двоюродный брат отца. До революции он окончил Омский кадетский корпус, затем стал специалистом по фортификации. Попала ему в руки дивизионная газета, а там сибиряк Иван Левченко упомянут, получивший орден Красной Звезды. «Не племянник ли это?» – подумал полковник. Быстро выяснил, что так оно и есть.

Посадил Ивана за стол, угостил коньяком, доброй закуской, а потом спрашивает:

– Может, что-то надо, племянник?

– Ложку, – выпалил Иван, – потерял ложку.

Вернулся в расположение своей части с отличным приспособлением для приёма пищи. По сей день бережно хранит фронтовой подарок дяди.

Дядя Федя военный опыт начал приобретать ещё в Первую мировую войну. За коньяком поведал Ивану один занятный случай, приключившийся с ним на той германской. Рассказал к слову, а получилось в самую точку поучительно. Племяннику пригодился дядин опыт в критический момент. Победу Иван застал в Праге. Акт о безоговорочной капитуляции войск Германии на суше, на море и в воздухе был подписан 8 мая 1945-го. С немецкой стороны генерал-фельдмаршал Кейтель поставил подпись, да не все немцы согласились с ним и поспешили взять под козырёк, безропотно складывая оружие. Многие продолжали прятаться по чешским лесам. Не по причине, что жаждали воевать и дальше за фюрера, нет – мечтали выгодно сдаться. Пропаганда в последний год войны работала без устали, вбивая в немецкие мозги, что русские будут беспощадно мстить. Солдаты и офицеры вермахта прекрасно знали – есть за что мстить, хватает поводов. Зверствовали они, считая славян недочеловеками. Посему не торопились выходить с поднятыми руками к бойцам Красной Армии. Надеялись на американцев или англичан выйти с повинной головой.

Часть Ивана принимала участие в очистке лесов от хитро-

мудрых фрицев. Однажды дали Ивану взвод и отправили на такую операцию. Немцам к тому времени самим надоело по чащам бродить, американцев с англичанами нет, и, похоже, не будет, жрать хочется, начали сдаваться. Взвод чуть углубился в лес, Иван, обращаясь по-немецки в сторону безлюдной с первого взгляда чащи, громко предложил сдаваться. Тут же с разных сторон появилось десятка два немцев с поднятыми руками. Будто сидели под кустами и ждали. Вывели красноармейцы первую партию пленных на дорогу, посадили, поставили охрану, за второй пошли.

Получилось как с тем грибником, которого жадность едва не сгубила: набрал столько даров леса, что без малого не надорвался, волоча ношу домой. Во взводе двадцать пять человек, а пленных наловили под триста. Иван, выйдя из леса, увидел эту прорву и не обрадовался... До части километров восемь по пустынной дороге, а если немцам в голову нехорошее взбредёт, разыграет ретивое: кучка русских ведёт как баранов на убой. Оружие, конечно, отобрали у пленных, да если навалятся разом – не совладать...

Тут-то Иван вспомнил рассказ дяди Феди, как на германской войне в пятнадцатом году они впятером взяли тридцать пленных. За что дядя был награждён Георгиевским крестом. Те пленные и не думали сдаваться. Взяли их дерзкой атакой. А чтобы не разбежались или, того хуже, не бросились на русских, прапорщик приказал ремни у пленных отобрать. Когда у тебя штаны на коленки сваливаются, какой ты воин? Руки

всю дорогу прозаически заняты – портки подтягивают.

Аналогичную операцию с обмундированием Иван скомандовал провести со своими пленными: ремни отобрать, пуговицы срезать. Не сказать, что данное распоряжение русского офицера понравилось немцам, да под дулами автоматов куда денешься. Так и шли, держа штаны в руках. Не так быстро получалось, зато малочисленная охрана была спокойна. Ротный потом хохотал:

– Ну, Иван, ты голова – придумал, как немчуру спутать! Я сразу в толк не мог взять: такая орава движется, и все идут, как в штаны наложили.

После Чехословакии перебросили часть Ивана поначалу в Венгрию, а потом – в бандеровские края.

– Вова, – бывало, скажет Иван Яковлевич сыну после фронтовых ста граммов, – я в партию вступил в сорок третьем году, в Бога не верил, а за религию ой как пострадал!

Женился он на Гале. Как и положено, через девять месяцев родилось дитё – Ярына, а через год – Андрийко. Да такие славные дивчина и хлопчик получились у сибирского украинца и западной украинки. Иван, надо сказать, тоже парень ладный. Лицом приметный, даже шрамики, оставшиеся от первого ранения, не портили его, и плечи у офицера – косая сажень. Всё шло хорошо у молодой семьи, да вызывает Ивана замкомандира по политработе, майор Дуняк, и говорит:

– Капитан, как так получается, ты коммунист, а жена у тебя верующая, в церковь каждое воскресенье ходит.

Майор краски не сгущал, Галя была из верующей семьи, регулярно ходила в храм. Иван к этому снисходительно относился. У него бабушка верующая. Да и мама крестилась на иконы. А то, что Галя в церковь ходила, любви их нисколько не мешало.

– Ты – советский офицер, коммунист, – напирал майор, – а живёшь в религиозном болоте. Да ещё и веры-то она не нашей!

Галя была униатка.

– Майор, – сказал ему Иван, еле сдерживая себя, не понравились ему эти нравоучительные интонации, – не знаю, когда ты в партию вступил, я – в сорок третьем! Не знаю, где ты воевал, – прекрасно знал Иван, что по тылам майор прокантовался всю войну, – я добровольцем пошёл в семнадцать лет и с февраля сорок второго на передке!

Прочитал отповедь комиссару. Разозлился не на шутку – его, боевого офицера, тыловая крыса пытается на повышенных тонах носом тыкать, учить жизни.

Майор тоже разозлился, поставил вопрос ребром: или жена прекратит в церковь ходить, или подавай на развод.

– У меня мама верующая, – бросил Иван, – что мне от неё прикажешь отказаться?

Однако дело повернулось так, что пришлось Ивану уходить из армии. Не больно он и расстроился. С лёгким сердцем подал рапорт: нет, так нет, жена дороже. В конце-то концов – хватит под ремнём ходить, без того девять лет в армии.

В себе был уверен. Руки-ноги целы, голова на плечах имеется.

Всё оказалось серьёзнее. Жили они в Станиславе, начал Иван устраиваться на работу, куда ни обратится – не берут. Потом-то узнал, была негласная команда в отношении его – «политически неблагонадёжный». Майор постарался. Приятного мало, но и здесь Иван не стал отчаиваться: всё, что ни делается, – к лучшему.

– Значит, – сказал Гале, – поедем в Боголюбовку.

На что Галя категорически заявила:

– Ты шо, Иванку, сказывся, чи шо! Ни! У вас там холода и церкви нема!

Как ни уговаривал, как ни взывал к разуму, объясняя, что в их Боголюбовке полно украинцев, никто не замёрз, Галя стояла на своём.

Закручинился Иван. Как быть да поступить? Сидеть у бабской юбки побитой собакой? Ну, нет. Дошло дело до развода. Оформили расторжение брака, и поехал Иван в Боголюбовку. Уже затемно добрался до деревни. Стучит в окно, мать спрашивает:

– Кто?

А он ей, солдат, дескать, пусти, тётка, переночевать, домой иду. Она:

– А мой Ваня всё никак не едет.

– Да это же я, мама!

Сколько счастья было. Отец смеялся и плакал:

– Мало я тебя тогда выпорол, ой, мало, удрал-таки, поганец! – и, дурачась, добавил: – Ну-ка, скидавай штаны, должен я тебе за самовольство хоть сейчас проучить!

На следующий день родню собрали, вечер устроили. Гоша-друг, с которым на войну убежали, пришёл, пустой правый рукав под ремень брюк заправлен, руку в Польше потерял, но тоже бравый воин. Хорошо отметили возвращение Ивана.

А вскоре и свадьбу сыграли. Жила у родителей на квартире молодая специалистка Таня, после техникума прислали её из Омска в колхоз бухгалтером. Ну и приглянулась фронтовику.

Пятьдесят пять лет вместе прожили. Хорошо прожили. Сына и дочь вырастили. Да только Галю Иван долго не мог забыть. «Любовь никогда не перестаёт», – говорит апостол Павел в «Первом послании к Коринфянам». Мысль апостола, конечно, шире по значению, да прочитай её Иван, он бы согласился полностью в своём понимании: «Не перестаёт». Фото Гали долго хранил в укромном месте, пока не исчезло куда-то. Жену не стал спрашивать, да она бы и не призналась. Алименты Ирине и Андрею платил честно и сверх того, по возможности, тайком посылал. Трудно сказать, испытывала Галя к Ивану чувства, подобные тем, которые излагает героиня вышеупомянутой песни, когда зовёт: «Вернись, Иванку, буду шанувати». Во всяком случае, не прогнала Ивана, когда приехал в гости.

В пятьдесят девятом надумал он повидаться с бывшей семьёй. Как жена Татьяна ни ругалась, взял четырёхлетнего сына Вову и поехал в Черновцы, где тогда жила Галя. Замуж она так больше и не вышла.

– Что я детей своих не могу повидать? – говорил Иван Яковлевич жене. – Они не виноваты, что так жизнь сложилась.

– Будешь опять жизнь свою складываать-перекладывать с Галей ненаглядной? – не могла смириться Татьяна с намерением супруга, не лежала у неё душа отпускать благоверного в места его боевой молодости.

Вова всего-то и запомнил из той поездки: тётя вкусными варениками с вишней кормила. Тогда как брат с сестрой практически не отложились в памяти.

В последние годы Владимир собирался поискать их через Интернет, ведь родная кровь, да всё руки не доходили, а как майдан начал жечь спецназовцев из «Беркута», решил: ни к чему всё это.

Иван Яковлевич всякий раз выходил из себя, когда шли телерепортажи о бесчинствах фашиствующим молодчиков на Украине.

– Да что это за порода кровожадная? – сокрушался. – Никак не могут успокоиться! Отцы-деды жгли-вешали и этим неймётся!

И разглядывал лица этих самых молодчиков, марширующих по Киеву или Львову, вдруг увидит похожего на себя.

А зачем это было ему нужно – и сам не знал.

На фронт с именем отца

Лет двадцать последних не знал я, что такое митинги и демонстрации. В советское время в последний раз отправился на Первомайскую демонстрацию ради сыновей, им было тогда лет по восемь-десять: «Папа, давай сходим!». В конце девяностых доводилось участвовать в массовых шествиях. Сейчас не верится, что такое было возможно – со всех предприятий стекались многотысячные колонны, ведомые профсоюзом, к центру города. Госзаказов не было, зарплату не платили по полгода и больше, заводы выживали, как могли. Трудовой народ надеялся, государство в ответ на его акцию одумается, как это не выпускать авиационные двигатели, самолёты, ракеты, спутники, стиральные машины, холодильники, трактора и комбайны. Хороший хозяин должен всё иметь своё, не зависеть от настроения соседа. Шли с заводскими знамёнами, плакатами-требованиями к правительству.

Но это было почти в прошлой жизни. И вот после долгого перерыва решил пойти на «Бессмертный полк». На какие ухищрения только не шли «прорабы перестройки», дабы умалить Великую Победу, оболгать, извратить, переписать историю... Кажется, это удалось... Даже гадкое словечко запустили в народ – победобесие. Дескать, носиться с давно случившимся это ни что иное как одержимость. Одна-

ко вдруг возникла гениальная идея «Бессмертного полка», и миллионы граждан, взрослых и детей, по всей стране вышли на улицы с портретами победителей... Помнит народ свою историю, помнит славную Победу...

В тот день с портретами ветеранов стояли на остановках, ехали в автобусах, несли их по улицам, стекающимся к Соборной площади. День разгорелся победно. Ослепительный диск солнца, тугой парус синего неба, белоснежные облачка, гонимые молодым ветром. Тысячи и тысячи праздничных людей...

Первый День Победы, который навсегда запомнился, – 9 Мая 1965 года. Наш сибирский городок Ачинск вот так же заполнило солнце, по-летнему жаркое, заставляющее снимать плащи и пальто... По центральной улице чеканило шаг военное авиационно-техническое училище, шли предприятия, техникумы, школы. Мы, детвора, держали в руках веточки тальника и тополя с нежными листочками (прутики несколько дней стояли на подоконнике в воде), украшенные бумажными цветочками. Они символизировали весну, обновление жизни. Доминировал в городе красный цвет – транспаранты, флаги, пионерские галстуки... А на школьницах – белоснежные фартуки... У всех праздничные, возбуждённые лица. Сверкая на солнце начищенной медью, шагал духовой оркестр, выдувая брагурный марш...

Недавно прочитал мнение мудрого аналитика, историка и политолога Андрея Фурсова, он считает шестидесятые го-

ды самыми лучшими в Советском Союзе. Они были полны громких свершений, умных решений, радостных надежд. Ушли в прошлое сумрачные и лживые хрущёвские пятидесятые, ещё не наступили тормозные семидесятые... Не знаю, как для других, для меня шестидесятые особо солнечные – счастливое детство, устремлённые в светлое будущее школьные годы, хотя и студенческие семидесятые были летящими...

По роду журналистской и писательской деятельности десятки раз беседовал с теми, кто воевал, работал в тылу, обязательно спрашивал про День Победы. Для большинства это одно из самых памятных событий жизни. Сергею Сергеевичу Кекуху (с ним работали в одном секторе в КБ ПО «Полет») в 1945-м исполнилось семнадцать, о Победе узнал на телеграфном столбе. Ремонтировал порыв на линии, проверяя связь, подсоединил наушники и услышал радостную весть. Фронтовик Борис Анатольевич Силин 9 мая 1945-го лежал с ранением в Берлине в госпитале, и вдруг рано утром бешеная стрельба, сразу догадался: не бой – салют Победы. Ветеран трудового фронта шагал утром по Омску на завод, город был взбудоражен только что прозвучавшей по радио давно ожидаемой вестью – Победа! А одна женщина стояла и горько плакала – у неё погиб сын, накануне получила похоронку. Врезалась в память подростку эта картина – всеобщее ликование и неизбывное горе...

Трудно сказать, на сколько километров растянулась ко-

лонна «Бессмертного полка», двигался в ней порядка трёх часов. В советские времена носили на демонстрациях портреты небожителей – членов Политбюро ЦК КПСС, коммунистических вождей, а здесь множество портретов отцов, матерей, дедушек, бабушек, близких родственников. На одних фото изображены совсем молодые люди в солдатских гимнастёрках, пилотках, на других – пожилые ветераны в парадных костюмах с многочисленными рядами наград. Разные люди, разные судьбы, а вместе – «Бессмертный полк». Он шагал по солнечному городу мимо Успенского собора, Законодательного собрания, академического театра драмы... Любинский проспект, стекающий под гору к мосту через Омку, наполнила на всём протяжении людская река... Калейдоскоп красок – плащи, куртки, косынки, шляпки, кеппи.

А над ними портреты, портреты, портреты, будто цветы на высоких стеблях, растущие из рук, сердец... Наверяд ли среди идущих были пережившие военное лихолетье. Уже за семьдесят тем, кто родился сразу после войны. Шагали по яркому маю дети, внуки, правнуки тех, кто был запечатлён на фото, тех, кому было назначено судьбой остановить врага, вознамерившегося подмять под себя непокорный русский народ, уничтожить большую его часть, прибрать к загребушим рукам богатую русскую землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.